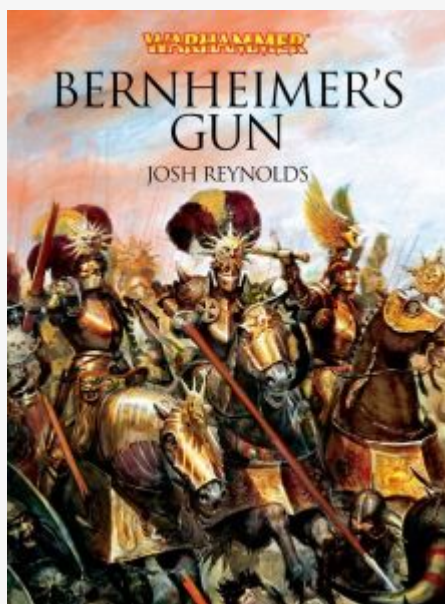

Пушка Бернхаймера / Bernheimer's Gun (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Пушка Бернхаймера / Bernheimer's Gun
(рассказ)

Автор	Джош Рейнольдс / Josh Reynolds
Переводчик	Serpent
Издательство	Black Library
Серия книг	Рыцари Мананна
Предыдущая книга	Вечеринка мертвеца / Dead Man's Party (рассказ)
Год издания	2014
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI

Поддержать проект

- БЫСТРЕЕ, ты страдающая артритом кляча! Шевелись, - Эркхарт Дубниц рыцарь самого святого (и неистового) ордена Мананна взревел, низко пригнувшись к шее коня, и рванул за угнанным экипажем. Несколько братьев последовали за ним, подбадривая своих скакунов похожими выражениями, пронсясь по извилистым и тесным улочкам Мариенбурга.

Овощной ларёк появился, казалось, из ниоткуда, и Дубниц взвыл, когда его лошадь, не колеблясь ни

секунды, пронеслась прямо сквозь него, растоптав редьку подкованными копытами, схватив на ходу лист салата жёлтыми зубами и сбив владельца в сточную канаву. Вслед рыцарю, словно стрелы, понеслись злобные проклятья.

- Ну что, лучше тебе? - огрызнулся Дубниц, врезав кольчужной рукавицей коняге промеж ушей. Животное повело ушами, но в остальном не показало виду, что хоть как-то почувствовало удар. - Ну, теперь ты выкинешь это из головы? - прорычал рыцарь, вонзая шпоры во вздымающиеся бока лошади, одновременно с этим выдирая салатный лист из локтевой защиты в форме морской раковины. - Скачи быстрее, животное!

Карета была далеко впереди. Она протиснулась через узкий проулок, соскребая краску с боков и сыпя искрами из-под колёс. Кто-то отодвинул занавеску на заднем окне и неловко выстрелил из арбалета. Дубниц снова ругнулся и неловко изогнулся в седле, когда болт скользнул по одному из его богато гравированных наплечников в форме кальмара и едва не оторвал оный от кирасы. Выплюнув ещё пару проклятий, Дубниц пригнулся ещё сильнее, стараясь сделать из себя как можно меньшую мишень. Учитывая его размеры, на это, в лучшем случае, была слабая надежда. Склонные к благородному мышлению люди назвали бы Дубница человеком с «бочкообразной грудью», хотя в его случае это был скорее бак, и в лучшие дни, полный алкоголя и щедрот Мананна, поперчённых и обжаренных по вкусу.

К сожалению, сегодняшний день был не из таких.

«Сегодня день натирающей полной брони и безумной скачки, день грохота мечей и копий», - кисло подумал рыцарь. И всё из-за одного, прокляни его Мананн, инженера-перебежчика. Звали его Микал Бернхаймер и он бежал всю дорогу по Рейку от Императорского инженерного училища в Нульне с сумкой, полной планов, и головой, полной секретов. Ну, по крайней мере, он так утверждал. Бернхаймер прибыл просить убежища, но кто-то очень не хотел, чтобы инженер его получил. Каким-то образом он был похищен из казарм городской стражи, пока высший совет пытался понять, что с ним делать, и затащен в краденый экипаж крохотной бандой из головорезов и продажных мечей, и ныне тот экипаж неся, как заяц во время псовой охоты, один Мананн знает куда. Впрочем, Дубниц подозревал, что этим местом были доки. Так или иначе, в Мариенбурге все подобные предприятия приводили к докам.

Орден вышел на охоту почти сразу же, так как грандмастер Огг к этому времени сумел добиться своего постоянного присутствия на заседаниях верховного совета, и он и отряд его рыцарей, включая Дубница, были в здании, когда пришли вести о похищении. Огг торговался с советом всего несколько минут, прежде чем позволил своим бронированным гончим сорваться с поводка.

Дитрих Огг был известен в Мариенбурге как бычьей воинственностью, так и далёким от изощрённости характером политических интриг. Рыцари быстро становились знакомыми лицами в домах знатнейших жителей города: он сдавал своих воинов в качестве советников, телохранителей или праздничных декораций и всё, что слышали они, слышал и он. Конечно, в основном это было что-то вроде: «могу поклясться, у нас в погребах было куда больше вина», когда рыцари уходили, насвистывая весёлые песенки и отягощённые бутылками с этим напитком, засунутыми за их кирасы. В конце концов, в рыцарстве были свои преимущества.

Экипаж вывернул из проулка и чуть не перевернулся, но затем ударился о стену и снова упал на все четыре колеса. Толпа торговцев, лоточников, раздражительных жонглёров и хлопающих глазами зевак прыснули в стороны, словно стайка перепелов, когда карета пронеслась сквозь людское скопление. На более широкой улице Дубниц смог поравняться с экипажем и дотянулся до притороченного к седлу небольшого трезубца. Он подумал было использовать его против тянущих карету лошадей, но,

поразмыслив, оставил эту идею. Зачем портить хорошую конину, когда в этом нет особой необходимости. Вместо этого он ударил трезубцем по заднему колесу экипажа, пытаясь замедлить его, но карета неслась слишком быстро. Трезубец вырвало из его руки, а следом за ним и самого рыцаря едва не сдёрнуло с лошади.

Качнувшись в седле, Дубниц выбросил руку, ухватился за один из вычурных орнаментальных элементов на карете и, подгадав момент, спрыгнул с коня и с металлическим грохотом доспехов врезался в борт экипажа. Железная стойка, напоминая ухмыляющуюся морскую нимфу, едва не оторвалась, но Дубниц всё же успел перекинуть свою могучую тушу на крышу кареты, громыхая покрытой эмалью цвета морской волны бронёй. Его лошадь, столь же хорошо вышколенная, как и любая другая лошадь ордена, тут же остановилась, едва почувствовав, как вес рыцаря покинул её спину, и с лошадиной невозмутимостью принялась за доедание ухваченного в пути листа салата, пока карета удалялась прочь.

Экипаж был достаточно крупным, так что в нём хватало места для трёх человек и багажа. Дубниц осторожно встал на ноги, пока карета под ним тряслась и покачивалась на вымощенных булыжниками улицах. Если удастся добраться до кучера, то он сможет остановить экипаж, но, делая это, ему стоит быть поаккуратнее: один неверный шаг, и он полетит вверх тормашками. Когда Дубниц осторожно пополз вперёд, возница обернулся и, увидев его, комично выпучил глаза.

Мужик был неопрятен и облачён в украшенный якорем и короной потрёпанный нагрудник очень похожий на те, что носили морские пехотинцы торговых флотов. Брань и слюна слетели с его губ в спутанную бороду, когда он раскрыл рот и закричал: - Кэп, на крыше!

Дубниц едва успел дёрнуться в сторону, когда потолок под ним пробил клинок с почти ювелирной точностью. Лишь каким-то чудом он успел за что-то ухватиться и не свалиться на мостовую. Меч скрылся обратно внутри кареты, а затем дверь на противоположной стороне экипажа распахнулась, позволив тому, кто был внутри, выбраться наружу. На нём не было шлема, так что его кучерявые волосы развевались вокруг лица, мешая ему, однако он с ловкостью кошки взобрался на крышу, не выпуская меч из рук, и глаза Дубница расширились, когда он узнал искусственную ногу противника, что в этот самый миг врезалась в потолок. Протез был изготовлен из куска плавника и оканчивался вырезанной лапой, в которую были вставлены три кости пальцев, словно когти. Коленный сустав укрывался за куском меди, которой была грубо придана форма черепа.

- Твою ж мать... - чертыхнулся Дубниц. - Надо было просто прикончить лошадей.

- Эркхарт, - прорычал меж тем обладатель столь узнаваемой приметы, с лёгкостью, порождённой привычкой к раскачивающейся палубе и штормам, устраиваясь на трясущейся крыше экипажа. - Я слышал, что ты отказался от честного взяточничества ради карьеры одного из швабромоев Огга, но я не поверил...

- Здорово, Эдвард. Я скажу гроссмейстеру, что ты передавал привет, - ответил Дубниц, поднимаясь на ноги и хватаясь за меч. - Я должен был понять, что только твоя шайка просоленных висельников могла оказаться настолько жадной и недалёкой, чтобы бросить вызов верховному совету.

Эдвард Ван дер Крааль, капитан вольной роты, известной как «Клинки Мананна», злобно ухмыльнулся.

- Недалёким, говоришь? Эта небольшая халтурка гарантирует нам место на любом корабле в Манаанспоте... - его искусственная нога скрипнула, и меч понёсся к Дубницу. Последний мгновенно выхватил свой и, парировав удар больше с помощью силы, нежели ловкости, оказался вынужден вцепиться второй рукой в потолок кареты, чтобы сохранить равновесие.

- Только если тебе удастся, - прорычал рыцарь, выбрасывая свой клинок в ответ. Впрочем, Эдвард отбил его удар с почти небрежным презрением. Дубниц поморщился. Он был не из тех, кто прям уж избегал драк (некоторые из его самых лелеемых воспоминаний включали в себя драки того или иного рода, обычно заканчивавшиеся возлияниями... или развлечениями другого рода), однако Ван дер Крааль был смертельно опасным человеком, как и они сами, а в Мариенбурге с ними мало кто мог сравниться. Наёмник был солёнокровным убийцей, с глазами - железными опилками и сердцем, более холодным, чем норская зима. Хуже того, у него была к Дубницу просто иррациональная неприязнь из-за совершенно невинного недоразумения, произошедшего абсолютно не по его вине.

- Смелые слова для тела, которое ожидает скотобойня, - прорычал Ван дер Крааль, снова переходя в атаку.

Они продолжили обмен неуклюжими ударами, не осмеливаясь вложить в них всю силу равно как из-за опасения слететь с опасно раскачивающегося и подпрыгивающего на мостовой экипажа, так и своего противника. Каждая колдобина или наклон кареты превращался в пропущенный или почти смертельный удар, добавляя элемент случайности делу, которое Дубниц находил всё менее приятным.

- Никогда не мог переварить раскачивающуюся палубу, не так ли? - издевательски хохотнул Ван дер Крааль. - Суша сделала тебя мягким, Эркхарт.

- По сравнению с тобой, Эдвард, мягким можно считать даже камень из моря Когтей, - ответил Дубниц. - К счастью для меня твои люди сделаны из не столь крепкого материала.

Он заблокировал лезвие меча Ван дер Крааля своим собственным и, сорвав с пояса тилейский стилет с тонким клинком, швырнул его в шею сидевшего на козлах возницы. Оба, и рыцарь и наёмник, замерев, смотрели, как возница наклонился на бок, а затем свалился с козел, потянув за собой вожжи. Почувствовав натянувшиеся поводья, лошади окончательно взбесились.

- Не могу поверить, что получилось, - выдохнул Дубниц, несколько в замешательстве глядя на Ван дер Крааля.

Дальше карета понеслась без возницы. Лошади, не обращая внимания на то, что происходило с их бременем, всё набирали и набирали скорость. Экипаж швыряло из стороны в сторону, он бился бортами о стены зданий и киосков и, подпрыгивая, проскакивал одну улицу за другой. Ни у Дубница, ни у его оппонента не осталось много времени на выяснение отношений, ибо оба думали лишь о том, как бы удержаться.

Внезапно карета свернула с узкой улочки и понеслась в сторону доков. Она мчалась, не разбирая дороги, расшвыривая ящики и лотки, разламывая клетки с птицами и экзотическими животными, выпуская на волю кур и оцелотов. Моряки, портовые рабочие и бойцы портовой стражи с криком и руганью разбежались с пути понёсших лошадей.

Дубниц бросил взгляд на Ван дер Крааля и увидел, что тот отвлёкся на приближающиеся доки.

- Думаю, это твоя остановка, - сказал Дубниц и, развернувшись, пнул наёмника сапогом в живот. Ван дер Крааль слетел на землю, и Дубниц остался в одиночестве на крыше экипажа. Двигаясь так быстро, как только осмеливался, рыцарь пополз вперёд, к передку экипажа, и резному гротеску, в пасти которого запутались вожжи.

Экипаж резко подпрыгнул и Дубниц со всего маху врезался лицом об облучок и, вслепую, попытался вцепиться в поводья. Наконец это ему удалось, и он выпрямился на сиденье и натянул вожжи, вкладывая

в это каждую унцию своего коренастого тела. Лошади фыркнули в знак протеста, их копыта загремели по набережной, и, наконец, они резко затормозили всего в паре дюймов от её края и солёных морских вод. Тяжело дыша, обливаясь потом, с мокрой бородой и волосами, Дубниц оглянулся на экипаж.

Его встретил образ заряженного арбалета, положенного на открывшуюся дверь. Наёмник, державший его, усмехнулся.

- Премного благодарен.

Дубниц схватил болт прежде, чем тот успел нажать на спусковой крючок, и вырвал его из арбалета. Человек недоумённо уставился на него, а затем рухнул на спину, когда ему в нос прилетел бронированный кулак Дубница.

- Всегда пожалуйста, - ответил Дубниц, спрыгивая с козел на землю.

Он заглянул в карету. Худой, эстетски выглядевший мужчина, казалось состоявший из локтей, коленей и носа, был втиснут в дальний угол кареты, к груди он крепко прижимал сумку, а на лице криво сидела пара бретонских пенсне.

- А... а.... а... - выдавил он, пока его рот пытался сформировать не выходявшие слова.

- День добрый, - ухмыльнувшись, поприветствовал его рыцарь. - Микал Бернхаймер, не так ли? И как вам Мариенбург?

Глаза Бернхаймера расширились, и Дубниц почувствовал, как ему на плечо опустилось лезвие меча, слишком близко к шее, чтобы рыцарь мог ощущать себя комфортно. Он схватился было за свой меч, прежде чем понял, что потерял его во время гонки на карете. Он вздохнул.

- И ещё раз привет, Эдвард.

- Ты скинул меня пинком с кареты, - обвиняюще сказал Ван дер Крааль.

- Кто, я? Как неуклюже с моей стороны. Должно быть, это был несчастный случай, - ответил Дубниц, медленно разворачиваясь. Лезвие меча оставалось на месте, прочерчивая царапину на его шее. - Не хочешь дать мне мой меч, чтобы мы могли продолжить с того места, где остановились? - Ван дер Крааль посмотрел на него, как на идиота. - Нет? Неважно, Я просто подумал, почему бы не попытаться...

- Ты всегда был хохмачом, Эркхарт.

- Как Элиза? - мягко спросил Дубниц. Это был опасный гамбит, но ему нужно было выиграть время. Если придут другие, у Ван дер Крааля не будет причин убивать его. Несмотря на текущий в его венах лёд, сам наёмник не любил проливать кровь ради пролития крови, особенно когда в этом не было никакой выгоды.

- Она в порядке, - проворчал Ван дер Крааль и отступил на шаг. Его лицо приобрело злобное выражение, как и ожидал Дубниц. Упомянуть об Элизе было всё равно, что тыкать палкой в волкотюленя.

- Всё ещё тоскует по мне? - продолжил рыцарь.

- Нет.

- Тоскует по тебе?

- Нет, - огрызнулся Ван дер Крааль. Наёмник прищурился. - Она замужем. За шляпником, - кисло добавил он.

- За шляпником? - с недоверием повторил Дубниц.

- Да, - прорычал Эдвард. - За шляпником. Притом очень богатым шляпником. Так что я бы хотел поскорее покончить с этим, посему отойди-ка в сторону, Эрхарт. Бернхаймер пойдёт со мной.

- Я так не думаю, - ответил Дубниц, глядя мимо Ван дер Крааля. Наёмник нахмурился и немного повернулся, когда из-за угла с грохотом выскочили несколько рыцарей и рванули в их сторону, опустив трезубцы. Дубниц поднял руку и двумя пальцами осторожно оттолкнул меч в сторону. Наёмник скривился, отступил и опустил меч, так как несколько трезубцев недвусмысленно указывали в его сторону, но не выпустил его. Он ни в малейшей степени не был напуган. Дубниц однажды видел, как Ван дер Крааль так же смотрел на экипаж норсканского налётчика, так что его это не слишком удивило.

Что на самом деле было удивительно, так это звук изготавившихся к стрельбе нескольких арбалетов. Дубниц огляделся и заметил вновь прибывших, крадущихся через треснувшие бочки, разбитые ящики и неудачливых цыплят с готовыми к схватке арбалетами, мечами и алебардами. Они выглядели отвратительно, но как иначе могли выглядеть люди, решившие присоединиться к Клинкам Мананна? Ван дер Крааль ухмыльнулся.

- Ты правда думал, что мои парни не будут ждать меня в доках?

- Вопрос в другом - хватит ли их? - парировал Дубниц и скрестил руки на груди.

- У них есть арбалеты.

- Не так уж и много, как погляжу. К тому же - успеют ли они их перезарядить достаточно быстро?

Ван дер Крааль снова нахмурился. Но прежде чем он успел ответить, к событиям присоединилось третье кольцо из обнажённых клинков и бронированных тел, добавившее лязг металла и вопль болотного рога, от которого у Дубница закололо волосы на загривке. Это был жуткий звук, предназначенный преодолеть обширные сырые пустоши окружавших город с двух сторон болот. Люди из Мариенбургской Болотной стражи отличались дисциплиной, и в своём роде были столь же грубы и неприятны, как и буяны Ван дер Крааля. Они носили кирасы, за которыми тщательно следили, поверх кожаных безрукавок, головы защищали тяжёлые конические шлемы. Вооружены они были тем, что отлично подходило как для борьбы с пиратами и контрабандистами, так и с более неприятными созданиями. Воины стражи быстро окружили людей Ван дер Крааля, выказав отличное умение и подготовку, и выставили свои тяжёлые гвизармы^[1]. Наёмники выглядели готовыми к бою, но их капитан поднял руку, чтобы предотвратить любые возможные воинственные порывы своих людей.

Пара всадников протолкалась мимо рыцарей, и Ван дер Крааль чертыхнулся. Одним из этих людей был магистр Отг, чья коренастая фигура была облачена в полную броню, а трезубец, заменявший руку, раздражённо постукивал по бедру. Другой мог похвастать куда меньшим количеством брони, но всё же вызывал куда больший страх. Алоизий Амброзий, Страж болот и самый близкий человек к лорду Юстикару из всех в Мариенбурге, был худым одноглазым мужчиной, одетым хорошо, но без вычурности. На закрывавшей отсутствующий глаз повязке были вышиты трезубец и корона, символ Болотной стражи, и то же изображение украшало его отполированную кирасу.

Ходили слухи, что прежде Амброзий сам был членом одного из рыцарских орденов Империи, прежде

чем какие-то личные грешки не привели его к исключению и вынудили бежать в Мариенбург, имея за спиной наседающих на пятки охотников за головами и профессиональных дуэлянтов. В его первую неделю пребывания в городе, Мариенбург увидел, как Амброзий потерял глаз, занял должность начальника Болотной стражи и убил почти дюжину человек. С тех пор Болотная стража, прежде недостаточно финансируемая и плохо оснащённая и являвшаяся едва ли не пародией на организацию, выросла настолько, что стала соперничать с «Чёрными шапками», как иногда называли городскую стражу, и Речным дозором, имевшим влияние на все городские дела. Мариенбург был городом с постоянно изменяющимися политическими течениями и Амброзий оказался лучшим из штурманов, которых когда-либо знали эти мутные воды.

- А вот и мы, - произнёс Амброзий. Рыцари и наёмники одинаково нервно переглянулись. - Вы в порядке, герр Бернхаймер? - спросил Алоизий, глядя на маленького человечка. - Надеюсь, в вашем драгоценном разуме ничего не разболталось?

- Ах...я...нет, милорд, - ответил Бернхаймер, заметно нервничая. Дубниц не мог его за это винить.

- Прекрасно, - ответил командир Болотной стражи и перевёл взгляд на Дубница. - Ах, Дубниц, - пробормотал он. - Я почему-то был уверен, что именно ты возглавишь погоню. Ты оказываешь честь своему ордену.

Дубниц моргнул. Это высказывание не звучало, как насмешка, но с Амброзием никогда нельзя было быть ни в чём уверенным. Прежде чем он успел ответить, рыцарь поймал взгляд Огга и прикусил язык.

- Что насчёт наёмника? - фыркнув, спросил верховный магистр.

- А что с ним? - спросил Амброзий. Он посмотрел на Ван дер Крааля. - Можно предположить, что будет почти невозможно заставить вас выдать нам личность того, кто заказал вам эту работу, - Ван дер Крааль хмыкнул и Амброзий слегка улыбнулся. - Как я и думал. Я полагаю, что ваши взносы в гильдию военных подрядчиков уже выплачены, не так ли?

Дубниц не думал, что это возможно, но выражение лица Ван дер Крааля стало ещё более каменным. Наёмник коротко кивнул. Улыбка Амброзия стала шире, и он сделал рукой жест, означающий «убирайся».

- Отлично, просто отлично. Тогда ступайте. Мне стало известно, что речной караван отправляется утром на восток и что они ищут людей для охраны. Быть может, это вас заинтересует?

Дубниц почти услышал, как скрипнули зубы Ван дер Крааля. Наёмник кивнул. Это было равносильно временному изгнанию, но всё равно лучше, чем быть повешенным или засунутым в приливные клетки на поживу крабам и чайкам. Не говоря ни слова, он вложил меч в ножны, бросил последний взгляд на Дубница, развернулся и пошёл прочь. Его люди последовали за ним, но куда медленнее, осторожно оглядываясь в поисках любых признаков преследования.

- Не могу поверить, что ты отпускаешь их, - заметил Огг. - Ван дер Крааль уже давно наработал на верёвку.

- Как и некоторые из твоих рыцарей, Дитрих, - заметил Амброзий. - Но, думаю, мы оба согласимся с тем, что они более полезны живыми, чем мёртвыми, не так ли? - говоря это, он посмотрел на Дубница и здоровяк принял наилучший вид полнейшей невинности, на который был способен. Амброзий снова перевёл взгляд на Бернхаймера. - Герр Бернхаймер, вы немедленно переходите под мою личную защиту. Верховный совет... ммм, вразумлённый данным прискорбным инцидентом, милостиво позволил Болотной

страже вмешаться и оказать содействие своим братьям из стражи города.

«Могу поспорить, что всё именно так и было, как и то, что городские только рады были избавиться от подобной обузы, - подумал Дубниц. - Я бы и врагу не пожелал подобной задачи». Амброзий, словно услышав его мысли, снова перевёл взгляд своих глаз на Эрхарта, а затем соскользнул с седла. Длинная рука упала на плечо рыцаря и мгновение спустя Дубниц оказался в стороне от собравшихся. Амброзий улыбнулся ему.

- Эрхарт, Эрхарт, Эрхарт. Ты полезный человек. Ты знал это? У тебя врождённая способность к новшествам и стремление к успеху, что очень впечатляет, если позволишь высказать моё мнение.

- Благодарю, - осторожно ответил Дубниц, сам в это время осторожно выискивая пути к отступлению.

- Я имею в виду, разумеется, это дело с зомби и несчастным князем Угори. Ох, а ещё дело о проклятых акульих зубах с последнего Миттерфруля. Дитрих уверял меня, что ты проявил безжалостную хитрость и во многих других случаях, таких, как прелюбопытная публичная кончина Бернарда Ломакса в прошлый Весенний прилив. Именно из-за этих качеств он и предложил тебе место в ордене, а не оставил в клетках с остальными подонками.

Дубниц почувствовал неуверенность, не зная что на это ответить. Амброзий отпустил его и указал на Бернхаймера.

- Посмотри на него, Эрхарт. Скажи, что ты видишь?

- Кого-то, кому бы не помешало побольше есть и, может быть, немного вздремнуть.

- Нет. То, что ты видишь, это... потенциал, - Амброзий лениво отпихнул ногой цыплёнка, который, громко пища, пытался пробежать между ними. - Проще говоря, он нам нужен. Мы нуждаемся в его умениях, - продолжил он. - Мариенбург имеет множество достоинств, но инженерия никогда не было в их числе. Искусство ружья и пушки здесь не очень развито. Наши кузены на востоке ревностно хранят свои секреты, и вся артиллерия и мушкеты, которые мы имеем, были получены незаконными и в целом достаточно нелёгкими способами. Если этот город хочет сохранить независимость, мы должны быть на переднем краю.

- Тогда почему бы не поторговаться с гномами? - спросил Дубниц, выцарапывая яблоко из разломанного ящика. Пару мгновений покатав его по ладони он сделал звучный укус. Жуя, он продолжил. - Мелкие засранцы любят золото, а у нас его достаточно.

- Ты когда-нибудь торговался с гномом? - спросил в ответ Амброзий. - Торговые семьи с отличной репутацией потратили целые поколения на переговоры с гномами, чтобы получить те крохи, что есть у нас сейчас. Кроме того, наши имперские кузены потратили достаточно золота и крови, чтобы наши отношения с горным народом были в лучшем случае напряжёнными. Хотя гномы и не видят в наших народах особой разницы, Карл Франц не может позволить нам стать пороховым обществом.

- Ну, я и сам не большой любитель, - ответил рыцарь. - Пистолет пробивает броню, словно это бумага, - он хлопнул себя по кирасе. - А я люблю свои доспехи.

- Мы учтём твоё мнение, - сказал Амброзий тоном, подразумевавшим совершенно обратное. Дубниц едва не подавился яблоком и проклял свой длинный язык. Единственная причина, по которой он всё ещё существовал, - то, что Амброзий считал его забавным.

- Бернхаймер утверждает, что знает секрет чёрного пороха и разработал орудие, «пушку», аналогов которой, используемой в настоящее время, нет у наших соседей. Поэтому высший совет даже соизволил рассмотреть его просьбу. Инженеры-отступники приносят больше хлопот, чем прибыли, а наши имперские кузены не жалеют средств на отслеживание таких беглецов.

- И Бернхаймер стоит того? - спросил Дубниц, с сомнением окинув взглядом маленького человечка, потерянно сидевшего на ступеньках кареты, прижимая к груди свою сумку. Он напоминал лапшу, которую слишком долго варили. Если он был столь же полезен, то не удивительно, что кто-то нанял для его похищения Ван дер Крааля.

Амброзий кивнул.

- Его знания будут объединены со знаниями мастеровых, работающих над городской флотилией сухопутных кораблей, чтобы улучшить их конструкцию и вооружение с помощью его пушки, - пояснил он. Дубниц поморщился. Корабли представляли собой мобильные крепости из дуба и железа, имеющие форму судов, но установленные на массивные колёса и приводимые в движение не ветрами и вёслами, а экспериментальными паровыми котлами, которые пока что имели неприятную тенденцию неожиданно взрываться. Эти корабли в последнее время были любимым проектом Амброзия. Ему каким-то образом даже удалось уговорить нескольких самых богатых бюргеров города открыть свои сундуки, чтобы заплатить за разрушенные образцы. И теперь, по-видимому, он хотел к взрывающимся котлам добавить ещё и пушки.

- Его прежним хозяевам это не очень понравится, - осторожно произнёс Дубниц.

- Я не могу с этим поспорить, особенно в свете этой попытки небольшой авантюры, - ответил Амброзий. - На этот раз я был готов к этому. Я понимал, что лишь вопрос времени, когда городская стража позволит Бернхаймеру выскользнуть из их хватки. Я это знал и соответственно планировал.

Дубниц нахмурился.

- Вы *хотели*, чтобы его выкрали, - сказал он. - Что может лучше убедить Совет в неэффективности Чёрных шапок, чем публично прикончить нескольких из их числа и похитить их подопечного.

Амброзий склонил голову.

- Я разве говорил что-то подобное? Конечно же нет, но, как бы то ни было, это всё же произошло и вот мы здесь.

- Мы, - повторил Дубниц. В его кишках неожиданно появилась тяжесть. Амброзий улыбнулся, и это чувство стало ещё хуже.

- Да, именно так. Я с самого начала утверждал, что существует только одна группа людей, которая сможет защитить нашего нового инженера от тех, кто попытается помешать ему поделиться своими знаниями с нашим городом, - улыбка Амброзия стала ещё шире, и Дубниц нервно сглотнул. - Орден Мананна и его лучший рыцарь, - закончил он.

- Вы имели в виду, гроссмейстер Огг, - проямлил Дубниц.

- Не совсем.

- Ох.

- Я полностью уверен, что ты сохранишь его здоровье и обеспечишь его безопасность ради меня, ради нас, сэр Дубниц. Я даже помыслить не могу об ином, - сказал Амброзий. Дубниц у акул видел менее страшную улыбку. Командир Болотной стражи повернулся и громко, так, чтобы все слышали, произнёс, - Дитрих, тебя можно только поблагодарить за столь мужественных рыцарей!

- Меня? - недоумённо переспросил Огг.

- Его? - спросил Дубниц у Амброзия, когда они присоединились к остальным

- Совершенно верно, - ответил тот, забираясь на лошадь. - Я пришлю пару клерков, чтобы они помогли герру Бернхаймеру ознакомиться с его новыми обязанностями. Обязанностями, которыми он, несомненно, захочет теперь заняться, когда это небольшое волнение осталось позади.

Бернхаймер оживился. Когда он встал, в его глазах появился странный блеск.

- О, мой господин, я просто счастлив и с нетерпением ожидаю возможности начать всё сначала здесь, в этой могущественной цитадели возможностей! - его улыбка была какой-то неестественной, словно трещина на отполированном стекле. - Я создам такое изобретение, которое поднимет искусство войны до таких высот, о которых даже помыслить не могли в нашем падшем веке! - он прижал свою сумку к груди, и Дубниц подумал, не такое ли выражение было на лице человека, придумавшего голубиную бомбу, когда он отправил в небо свой первый смертоносный груз. Возможно, в конце концов решил рыцарь, все инженеры были в своём роде безумны. Впрочем, кто на самом деле был безумен, тот человек, который спятил, или тот, кто должен был его охранять?

- Мананн, помоги мне благополучно выплыть на берег, - пробормотал Дубниц.

- ОТКРЫВАЙ, Ван дер Крааль, - сказал Ули Тассенберг, глядя на капитана наёмников поверх края своей чашки. Его тяжёлая туша расположилась за обильно покрытым размашистыми, вырезанными на поверхности узорами на рыбную тему и прочно закреплённым к полу каюты столом. - Тебе всё ещё платят.

Солнце садилось, заливая жидким оранжевым светом стоящие на якоре в гавани Зюйддока корабли. Капитан, пусть и неохотно, вернулся на частную яхту, где его ожидал наниматель. Теперь он стоял в каюте прогулочной яхты Тассенберга, с вызовом глядя в весёлые глаза последнего. Ули Тассенберг имел репутацию человека, награждающего за неудачи вполне определённым способом, и кроме того, его охранники забрали меч Ван дер Крааля.

Если и был в Мариенбурге человек, которого боялись больше Стража болот, то это, несомненно, Тассенберг Работорговец. Как и все сироты в Сыромятнях, он начинал с варки лошадиных шкур и выделки из них кожи и клея. Мариенбург напоминал покрытое пятнами гнили яблоко, и Сыромятни были из этих пятен одним из худших. Расположенная в лабиринте улиц, занимаемых городскими дубильнями, это была убогая, отвратно пахнущая территория, а банды свежевателей мулов и кошачьих мясников не уступали в своей опасности любому докеру-молодчику или речной крысе. И теперь, обретя могущество, Тассенберг сделал Сыромятни своей твердыней.

Из Сыромятен он развозил человеческую плоть по всему Мариенбургу, хватая пленников везде, где текла вода. Говорили, что он может гарантированно добыть любой плоти, любого размера, цвета или телосложения. Если вам нужна наложница или шлюха, он сможет добыть вам пятьдесят ещё до захода солнца; если вам понадобились бы люди или звери для бойцовых ям, то ему требовалось две недели,

меньше, если не требовалось боевого опыта; правда он имел пунктик насчёт крыс, необыкновенных или любых других. Тассенберг ненавидел крыс. Если вы были рекрутёром, ищущим команду, то люди Тассенберга полностью укомплектовали бы ваш экипаж ещё до начала утреннего прилива. Куда больше чем один знакомый Ван дер Крааля пропал без следа, оказавшись в должниках у Тассенберга.

- Мы потерпели неудачу, - осторожно глядя на Тассенберга, сказал Ван дер Крааль.

- Да? Что ж, это не мои деньги, - ответил тот, и на его пухлом румянном лице появилась зубастая улыбка.

- Нет, они его, - сказал Ван дер Крааль, глядя на третьего человека, находившегося в каюте. Человек был большим, слишком большим для того, чтобы с комфортом чувствовать себя под низким потолком, а плащ с капюшоном только заставляли казаться его ещё крупнее. Перед ним стоял нетронутый бокал вина, а здоровенная ладонь с толстыми тупыми пальцами лежала на рукояти архаичного вида ножа, который служил как бы границей между ним и парой мариенбуржцев. - И я не люблю брать деньги у тех, кто не открывает мне своё лицо, - продолжил наёмник.

Здоровяк не отреагировал. Тассенберг усмехнулся.

- Нет, но ты всё равно возьмёшь их, заплатишь своим головорезам и отправишься в какое-нибудь славное местечко, этак на пару неделек, а?

- Забавно, Страж болот сказал то же самое, - заметил наёмник, хватая мешочек с деньгами и поднимая его. - Кажется постыдным упускать то, что само идёт в руки, - добавил он.

Тассенберг уже собирался ответить, когда незнакомец резко пришёл в движение. Костяшки пальцев громко хрустнули, когда его ладонь сомкнулась вокруг рукояти ножа. Глаза, тусклые и унылые как пара камней, устремили на Ван дер Крааля взгляд, одновременно мягкий и угрожающий.

Наёмник заколебался. Затем вздохнул и кивнул.

- Ну ладно, ребятам всё равно нужен отдых. Спасибо минер Тассенберг. Если вам ещё когда-нибудь понадобятся мои услуги...

- Я точно знаю, где тебя найти, - закончил тот. Он понаблюдал, как команда наёмников возвращается обратно на палубу, а затем его люди быстро спроваживают их прочь. У верховного совета глаза были повсюду. Он громко отхлебнул из своего стакана и налил ещё из стоявшего на столе графина. - Вероятно, за ним следили. Это единственная причина, по которой этот одноглазый ловец воров дал ему уйти.

Большой человек слегка напрягся. Тассенберг усмехнулся.

- Успокойтесь, майн герр. Один из моих самых доверенных клинков бродит по докам, охотясь на маленьких шпионов Амброзия. Не бойтесь, Отто разберётся с любыми любопытными глазами или ушами.

- Смотри не обманись, работороговец, - пророкотал здоровяк.

Тассенберг ухмыльнулся.

- Вы когда-нибудь слышали выражение о мухе, мёде и уксусе, герр Брюкнер? Нет? Да, пожалуй, вряд ли подобное мог услышать палач графини Эммануэль. Прямо вперёд, Чоп-чоп-чоп, вот как вы делаете это в Нульне, а?

- Придержи язык, толстяк, пока я его не вырвал, - прорычал Теодор Брюкнер, откидывая капюшон и открывая грубое лицо, его тусклые глаза вспыхнули. Длинные волосы и толстые, завитые в косички усы скрывали его лицо за исключением крючковатого носа и странных глаз. - Я не потерплю насмешек.

- Ах, вряд ли графиня будет смеяться, - ответил Тассенберг. - Я слышал о ней разные истории. Что случилось с её братом? Было ли это так же ужасно, как об этом судачат сплетники? - не дождавшись ответа, Ули пожал плечами и улыбнулся. - Не берите в голову. Деловые партнёры должны заниматься делом, а не пытаться вести светскую беседу.

- Думаешь, он знает, что мы его обманули? Что мы никогда и не хотели, чтобы он преуспел в похищении и притащил к нам Бернхаймера? - спросил Брюкнер.

- Возможно - он хитёр, этот Ван дер Крааль. Но ему плевать. И он выполнил свою задачу. Теперь эти обмочившиеся курицы в верховном совете будут думать, что Бернхаймер ценен. Лучший способ убедить богача в том, что ему что-то нужно - попытаться это что-то у него отобрать. Просто ради любопытства, как бы он сбежал, если бы Ван дер Крааль преуспел?

Брюкнер слегка усмехнулся.

- Он... находчив. Он не стал вдаваться в подробности.

Тассенберг облизнул губы.

- Мои люди будут готовы, когда он сделает то, что должен сделать. Когда примерно это произойдёт?

- Несколько дней, едва ли больше. Он заверил меня, что придумает должный сигнал. Ты сможешь вытащить его из города? - спросил Брюкнер, проводя пальцем по простым кожаным ножнам своего меча.

- Легко, - ответил Тассенберг. - Я пошлю Отто и с ним ещё несколько моих лучших головорезов. Всё будет выглядеть, как совпадение, уверяю вас. Особенно, учитывая, что это произойдёт в районе восточных доков. Это будет похоже на очередной щелчок по носу одного из моих противников.

Брюкнер хмыкнул.

- Тебя не беспокоит, что ты так легко предаёшь своих людей?

- Я не предаю *своих* людей, - ответил Тассенберг. - Я предаю своих врагов, мужчин и женщин, что с радостью увидят меня повешенным или в приливной клетке в наказание за все мои предполагаемые преступления. Кроме того - немного саботажа, это, в конце концов, всего лишь политика. А у меня есть достаточно других поводов для беспокойства, чтобы беспокоиться о *политике*, - последнее слово он как будто выплюнул, и его весёлое настроение улетучилось, как не бывало.

Настала очередь Брюкнера улыбнуться, пусть и легко.

- Да, в этом ты прав.

Тассенберг посмотрел на него. Его глаза задумчиво прищурились.

- О чём это вы?

- Хозяин Теней по-прежнему контролирует восточные доки, не так ли? У него - кем бы он ни был - столь же мёртвая хватка на этом городе, как и у тебя, - как ни в чём не бывало ответил Брюкнер. - Мои агенты сперва обратились к нему. Тот, кто его нашёл, был отправлен обратно в Нульн на пяти разных лодках.

- Да, он подлый гад. И не столь общительный, как я. Можно с уверенностью сказать, что он не человек из народа, - Тассенберг похлопал себя по животу. - Человек, готовый без лишних предубеждений заключать сделки, - продолжил он, - и, раз уж пошёл разговор, когда я получу своё оружие, палач?

- Когда Бернхаймер вернётся на борт этой яхты, работороговец. И ни секундой раньше.

- Ладно, ладно, - махнул рукой Тассенберг, в притворном смирении. - Я терпеливый человек. В конце концов, я так долго ждал, чтобы принести свет ружейного огня в тени восточных доков, так что смогу потерпеть ещё пару дней. Кроме того, я могу рассчитывать на Отто, который нанесёт достаточно побочного ущерба, когда нанесёт им визит, - он улыбнулся и поднял графин. - Вина?

ВЕРФИ восточных доков занимали здание, бывшее некогда храмом, хотя принадлежал ли он Мананну, Штромфелсу или даже Мермедосу не могли сказать даже учёные-жрецы ордена Альбатроса. Он был построен на природной набережной, созданной из камня, плотно утрамбованной земли и грязи в далёком прошлом, и отдалённо напоминал формой трезубец. Храм подняли первые люди, населявшие эти земли, хотя по собственному ли измышлению или подчиняясь приказам древних дьяволов, что когда-то населяли туманные берега и болота, оставалось загадкой. Храм был обширным пространством, открытым для стихий, и состоял из странно расположенных каменных образований, которые, как утверждали некоторые учёные, идеально соответствовали звёздам в определённые времена года, в том числе и Миттерфруль.

Во время строительства верфей во времена Магнуса Благочестивого храм стал костями для будущего здания. Теперь небо перекрыли огромные рёбра из просмоленной древесины, широкие пространства между которыми соединяли перекрывающиеся слои сетей. Вокруг древних камней были обмотаны якорные цепи, к звеньям которых привязали значки и символы Мананна. Из каждого изгиба «трезубца» выступали небольшие, сделанные из дерева причалы и набережные, и на каждом старательно трудились над своими проектами команды ремесленников и мастеров. Кроме них присутствовало и множество жрецов Мананна, бродивших среди рабочих бригад и окроплявших солёной водой каждый незаконченный труд, благословляя его от имени бога морей.

Дубниц глубоко вдохнул и хлопнул ладонью по кирасе.

- Вдохните глубже, друзья мои, - громко сказал он, и его голос легко перекрыл грохот молотков, визг пил и крики рабочих. - Промышленность, - пояснил он и широко раскинул руки, словно хотел охватить все верфи.

- Твоя промышленность воняет даже хуже, чем дёготь, - заявил один из двух, сопровождавших его рыцарей, набивая листья табака в чашу вырезанной из кости трубки. Эрнст Ромер был стариком с покрытым шрамами лицом и почти таким же здоровым, как и Дубниц.

- И к тому же она довольно громкая, - добавил второй, худой, словно кнут, мужчина с печатью одного из низших дворянских родов Мариенбурга на худощавом лице. Пит ван Таал держал шлем на сгибе одной руки, а ладонь второй нервно покоилась на "яблоке" меча, имевшим вид головы кальмара. - Я бывал в битвах, которые и то создавали меньше шума.

- Две, - сказал Эрнст, поднимая два пальца. - Ты был всего в двух битвах.

- И тут громче, чем было в них обеих, - ответил Пит.

- Это потому, что в них участвовало всего три десятка человек, и проходили они в плохо освещённых дворах, - заметил Дубниц. - Контролировать толпу, это не то же самое, что вести войну, юный Пит.

- Зависит от толпы, - парировал рыцарь.

Дубниц усмехнулся. Чайки кружили над головой и вперевалку расхаживали по натянутым сетям, хрипло вопя, пока первые лучи утреннего солнца падали на неглубокие причалы, где каждая свободная рука собирала первое трио того, что, как многие надеялись, станет ответом на печально известные паровые танки Империи. Ремесленники Мариенбурга разработали метод быстрой сборки, который отличался от методов мастеровых Империи или Бретонии. Каждый торговый дом имел свой собственный метод, но в силу необходимости все они были в достаточно сильной степени унифицированы. В конце концов, верфей было так много, а время - деньги. Чем быстрее корабль будет построен, тем быстрее его спустят на воду и он поплывет, и его предназначение было не столь важно. Стоило одной группе разработать первый метод быстрой сборки, как остальные тут же скопировали и переняли для себя. Иногда это приводило к спорадическим вспышкам насилия, когда конкурирующие бригады занимались саботажем или кражей друг у друга, но, по мнению Дубница, периодическое пролитие крови только помогало крутить колесо коммерции.

Крик привлёк его внимание. Бернхаймер вскарабкался по корпусу одного из сухопутных кораблей, вцепился в железные скобы на его борту и выкрикивал приказы группке рабочих и мастеров, которые собрались вокруг него по указке клерков Амброзия.

Всего кораблей было три, один почти завершённый, а двое находились на разных стадиях сборки. Они были столь же большими, как любой галеон или зерновой танкер, с корпусом, который мог бы пристыдить стены берегового форта, и мачтами толщиной с ляжку великана. На вершине каждой мачты, не имевшей паруса, было усиленное «воронье гнездо».

Каждое судно стало результатом сперва месяцев конструирования, а после - месяцев строительства: в работе участвовали целые бригады с верфей, трудясь над их завершением и днём и ночью. Только для изготовления одного из огромных обитых железом колёс требовалась неделя труда, если верить сплетникам. Плотников и мастеров по работе с деревом собирали со всех краёв Старого Света, заманивая в Мариенбург обещаниями широко распахнутых сундуков с казной, чтобы гарантировать, что бегемоты будут не только внушительно выглядящими, но и рабочими. Кузнецы, оружейники и строители были наняты для изготовления оружейных башен в парпетном стиле, занимавшие переднюю и заднюю палубу, и для закрепления сотен железных пластин, защищавших стыки и корпус.

Три рыцаря наблюдали за происходящим с безопасного расстояния.

- Я не доверяю никому с подобным энтузиазмом, - пробормотал Пит, наблюдая как Бернхаймер дико махнул по чрезмерно агрессивной чайке пачкой свёрнутых чертежей.

- Я не доверяю никому, кто якшается со взрывчаткой, - вторил ему Эрнст, попыхивая трубкой.

- Я не доверяю никому, - ухмыльнувшись, сказал Дубниц.

Два рыцаря уставились на него, словно ожидая продолжения. Дубниц посмотрел на них в ответ.

- Что?

Пит вздохнул.

- Эркхарт, я уже успел поблагодарить тебя за то, что ты втянул меня в это?

- Да, это очень щедро с твоей стороны, - пробормотал Эрнст, и кисло посмотрел на Дубница. - Это из-за пяти карлов, что я тебе должен?

- Возможно, - скрестив руки на груди, ответил Эркхарт. Магистр Огг предложил ему выбрать братьев-рыцарей для помощи в этом деле, и он выбрал Эрнста и Пита прежде, чем они успели найти любую лазейку, чтобы смыться из орденского дома. После присоединения к ордену вы перво-наперво узнавали, что никогда, ни в коем случае не следовало вызываться добровольцем, особенно если там упоминалась бесплатная кормёжка. Это могло закончиться только слезами. Как только оба брата-рыцаря Дубница были пойманы и прижаты в углу, они нехотя согласились. Раньше ему уже приходилось попадать с ними в передряги, и Дубниц знал, что они превосходные выживальщики и скоры на выдумку. Качества, которые, как он подозревал, будут весьма и весьма кстати. Кроме того, Эрнст был должен ему деньги, а Пит, по мнению Дубница, был просто рождён, чтобы принимать на себя стрелы, предназначенные для лучших людей.

В первый вечер Бернхаймер ушёл с работы уже поздней ночью, прожужжав все уши клеркам Амброзия, и в последующие дни ничего не изменилось. В Мариенбурге был свой собственный инженерный колледж, но едва ли подходил по классу выпускнику Нульнской оружейной школы. По утверждению самого Бернхаймера он обучался у самого одиозного Джубала Фалька, Порохового мастера и кастеляна-инженера Нульна. Его заметки, расчёты и записи, казалось, подтверждали его слова, по крайней мере для людей Амброзия.

За три дня, прошедших после того, как Бернхаймера вырвали из рук Клинков Мананна, верфи Мариенбурга стали весьма оживлённым местом. Организованные несколько месяцев назад и финансируемые Амброзием мастерские по разработке экспериментального оружия, были отданы в распоряжение Бернхаймера и вскорости приступили к изготовлению оружия, которое он спроектировал, не останавливаясь даже тогда, когда сам инженер отправлялся в гильдию алхимиков, чтобы понаблюдать за изготовлением его особой смеси чёрного пороха. Теперь же он следил за установкой поворотных опор и усиленных пороховых камер, а так же, по-видимому, переделывал корпуса кораблей для повышения их эффективности.

Или так он утверждал. Как и все инженеры, по крайней мере те, с кем был знаком Дубниц, Бернхаймер говорил без умолку, и концепции и идеи выходили из него, словно бурлящий поток - порой вообще было почти невозможно понять, о чём он говорит. Впрочем, возможно в этом и был главный смысл.

- Ты что-то сказал?: - спросил Эрнст.

Дубниц вздрогнул, а затем покачал головой.

- Просто мысли вслух.

- А я-то гадала, что это за грубый шум, - раздался женский голос.

Дубниц снова вздрогнул. Голос был ему знаком, а тон - ещё знакомее. Он закатил глаза к небесам.

- Мананн, избавь меня от своих бурь, - пробормотал он, разворачиваясь лицом к вновь прибывшему с весёлой усмешкой на лице.

- Эсме, ты прекрасно выглядишь.

Как и у всех членов ордена Альбатроса, торс Эсме Хорошая Погодка перекрещивали просмоленные ремни, увешанные дюжинами мешочков с разными снадобьями и реликвиями, кроме них жрица Мананна могла похвастаться зазубренным крючковатым ножом, вырезанным из зуба какого-то жутковатого глубоководного морского чудища и пригоршней серебряных колокольчиков. Дубницу уже приходилось видеть, как она использовала этот нож и крайне неприятные последствия оно, и сейчас, глядя на рыцаря, Эсме задумчиво теребила рукоятку сего инструмента.

- Ты тоже, Эрххарт. К сожалению, - ответила она.

- Ты всё ещё сердишься.

- Что первое навело тебя на подобное откровение?

- Сколько раз я должен извиниться? Было темно! Любой мог ошибиться! - он беспомощно оглянулся на своих собратьев.

Пит поднял руки и отступил на пару шагов. Эрнст отвернулся, добродушно насвистывая. Дубниц внутренне зарычал. «Труссы», подумал он.

- Кроме того, уже минул почти год. Как можно дуться столько времени?

- Да, прошёл год, - согласилась Эсме.

Дубниц расслабился.

- С *первого* раза, - продолжила жрица.

Дубниц снова напрягся.

- Ах.

- Для чего ты здесь, Эрххарт? Имеет ли это отношение к тому маленькому раздражающему человечку, вечно кричащему о траекториях и проломе корпуса? Ты и твои дружки здесь именно поэтому?

- Мы здесь по воле Стража болот, - ответил рыцарь, - чтобы проследить, что «маленькому раздражающему человечку», как ты выразилась, не грозит ничего страшного, - он наклонился вперёд. - А ты для чего здесь? Ты так по мне скучала?

- Не лсти себе, - она указала на корабль на мелководье, где несколько других жрецов и жриц окатывали палубу священной трюмной водой Мананна. - Я здесь по делам храма. Здесь нуждающиеся в его благословлении суда, - она нахмурилась. - Но увидела тебя и вспомнила о том деле в последний Миттерфруль, так что решила выяснить, какие неприятности на этот раз принесла волна.

- Из твоих слов можно подумать, что я твоя личная птица неудачи, - запротестовал Дубниц. - И вот я здесь, добрый гражданин и честный мариенбуржец. Ты ранила меня в самое сердце.

- Если бы, - съязвила она.

Дубниц усмехнулся.

- Давай начистоту. Ты всё ещё в немилости у властей храма, после того, как врезала верховному священнику, когда он попытался приударить за тобой на алтарной барже. Так что надеешься, что я сболтну что-либо интересное, не так ли? Немного того, чутка другого для деликатных, похожих на

раковины ушей избранных Мананна относительно того, что задумал верховный совет?

Эсме пожала плечами.

- И если и так? Ты прекрасно знаешь, что в этом городе информация ценна не меньше денег, - она наклонилась ближе. - Кто он?

- Тебе действительно пришлось выбросить его за борт во время Летнего прилива и прямо перед лицом поднимающихся на баржу сирот? Что же это за пример для маленьких дворняжек? - гнул своё Дубниц, пропустив вопрос мимо ушей.

Эсме открыла было рот, чтобы ответить Эрхарту, как в разговор встрял Пит.

- Что он делает?

- Что? - Дубниц резко развернулся.

Бернхаймер дико жестикулировал и осыпал руганью окружившую его на палубе наземного корабля толпу мастеров и клерков. Словно чтобы подчеркнуть свои слова, он тряс заряженную порохом одну из громоздких китайских сигнальных ракет, которые использовали большинство военных кораблей Мариенбурга. Они были полезными устройствами, бывшими по сути небольшими фейерверками, и обычно имели цветовую кодировку, каждый цвет соответствовал своему приказу.

- Если он не будет осторожен, то эта штука сработает, - замети Эрнст, постукивая чашкой трубки по наручу.

Стоило ему произнести эти слова, как сигнальная ракета с громким визгом взорвалась и, сыпя искрами, понеслась через палубу и собравшуюся на ней толпу. Затем ракета ушла наверх, пробила сетку, разогнала чаек и устремилась в небеса, где и взорвалась ярко-красным цветком.

- Как мило, - сказал Пит, прикрыв глаза.

Дубниц, впрочем, не смотрел на взрыв света и огня. Вместо этого он наблюдал за чайками. Те, что избежали рассеяния ракетой, неожиданно раскинули крылья и рванули прочь, как будто предупреждённые о какой-то надвигающейся опасности.

Взрыв сотряс верфь всего лишь миг спустя. Водяные столбы, горящая древесина и расколотые камни рванули вверх, вынуждая тех, кому повезло не быть сбитым с ног разлетающимися обломками или ударной волной, искать укрытия. Дубниц инстинктивно заслонил собой Эсме. Пит с проклятием упал, а Эрнсту пришлось резко пригнуться, уворачиваясь от камня.

- Что, во имя Мананна, это было? - прохрипела жрица морского бога, прикрывая голову.

- Кто-то взорвал пороховую бочку, - ответил Дубниц. - Даже отсюда можно почуять запах серы. Ни хрена себе, они проделали дыру под верфью! - он оглянулся через плечо, пытаясь хоть что-то разглядеть в расплывающихся по верфи клубах дыма и пыли. Заметив несколько спешащих сквозь них фигур, он чертыхнулся. Первым, кто выскочил из облака и предстал во всей красе, был огр, такой же огромный и голодный, как и любой другой из его рода: он был облачён в неподходящий по размеру бурнус и тюрбан арабского корсара и держал в руках тульвар с клинком, не уступавшим по размерам ноге Дубница. Меч поднялся и опустился, швырнув в воздух ошеломлённого жреца, миг спустя его тело закружилось в мутной воде.

Позади огра из дыма выскользнули несколько мускулистых здоровяков, носивших на шрамированных лицах печати бойцовых ям, следом за ними показалась группка цветастых «бравос», которые бы не выглядели неуместно во время кровавого бунта в каком-нибудь Миральяно или Альтдорфе. А за «бравос» спешил полурослик, чьё короткое упитанное круглое тело было увешано перевязями с пистолетами. Пока Дубниц смотрел, недомерок вытащил один из них и спустил курок, сбив с ног неудачливого моряка.

- Я знал! Я знал, что всё пойдёт к чертям, - заявил Дубниц, поднимаясь на ноги и выхватывая меч, когда к нему, покачиваясь, устремился сквозь дым бритый, в железном наморднике ямный боец. Обойдя защиту «гладиатора», Дубниц безжалостным ударом выпустил ему кишки. Едва тело упало на доски настила, как он подхватил цеп убитого и использовал его, чтобы отразить удар копья, целившегося в его жизненно-важные органы. Секунду спустя его меч врубился в черепушку его владельца. Хекнув, Дубниц вытащил клинок из головы покойника, после чего внимательно осмотрел тела убитых. Очень быстро его взгляд наткнулся на странную, но донельзя знакомую метку.

- Ха, ну само собой. Как будто этого было мало, - пробормотал рыцарь. Знак, который он увидел, был клеймом Тассенберга Работорговца. У каждого из тех, кто занимался этим ремеслом, была своя собственная метка и у Тассенберга она имела форму изогнутой подковы: немного юмора от мальчика, выросшего на Сыромятнях. Дубниц вздохнул. Ну, хотя бы не Хозяин Теней. Он посмотрел на своих спутников. - Вставайте, вы оба. Пора отрабатывать зарплату, - затем он перевёл взгляд на Эсме. - А ты - найди какое-нибудь укрытие.

- А что насчёт тебя? - спросила жрица.

- Меня? У меня есть кой-какая красная работёнка, которой надо заняться, - ухмыльнулся Дубниц. С этими словами он нырнул в дым, в одной руке цеп, в другой - меч. Звонили тревожные колокола, громко вопили люди, но никто, похоже, не занимался попыткой организовать сопротивление нападавшим. Не то, чтобы последние имели какую-то определённую цель. Подобные атаки не были редкостью, особенно если учесть, что Тассенберг не контролировал доки и враждовал с тем, кто это делал, но почему сейчас? Могло ли это быть как-то связано с Бернхаймером?

Это была не самая приятная мысль. Тассенберг и без того достаточно опасен, а если ещё заполучит в свои руки оружие, которое, предположительно, разработал Бернхаймер, то спалит город в стремлении уничтожить своих врагов. Мариенбург был местом неустойчивого равновесия: сильные мира сего толкали и тянули друг друга, а город плыл в создаваемом этим противоборством потоке. Это включало в себя сотни криминальных предприятий, растущих в укромных уголках и щелях вольного города, словно плесень, но глупцы, подобные Тассенбергу не видели это таким образом. Нет, они хотели себе весь пирог, и им было плевать на то, что это был яд. Они спровоцируют резню, только ради одного единственного убийства.

Дубниц рубил и кромсал с умением прирождённого лесоруба. Он был прекрасным фехтовальщиком, но именно его сила и скорость давали рыцарю главное преимущество над врагами, и он отлично это понимал. Во время рубки на корабле ловкость и умение были менее полезны, чем выносливость и сила. Здесь было всё то же самое. Уличная драка - не место для рыцарского поединка. Наоборот, здесь ты должен был прикончить убудка так быстро, как только можно, и использовать любое преимущество, пусть даже нечестное, прежде чем заняться следующим противником.

Эрнст и Пит следовали за ним с мечами в руках. Они неуклонно продвигались к кораблю, на котором в последний раз видели мелкого инженера, и Дубниц мысленно проклинал себя. Один из них постоянно

должен был находиться рядом с Бернхаймером. Он крутанул запястьем и хлестнул цепом, парируя колющий удар мечом. Эрнст подкрался к мечнику сбоку и врезал ему с силой достаточной, чтобы того швырнуло в воздух. Пит врезал меж тем «бравосу», оттолкнув его на мгновение, прежде чем отсёк ему руку с мечом и оставил позади, вопящего и истекающего кровью.

Двигаясь плечом к плечу, рыцари образовали смертоносный клин: в своей, пусть и не полной броне, они были слишком крепкими орешками для тонких клинков и ножей мусорной накипи, выкинутой на поверхность взрывом в доках. Большинство атакующих избегали троицу, те же, кто этого не делал, быстро жалели о своём решении.

Оставляя за собой дорожку из трупов, они быстро добрались до корабля. Но всё же недостаточно быстро. Корабль горел, а рабочие были либо мертвы, либо разбежались. На миг Дубниц испугался, что инженера постигла та же участь, но затем увидел Бернхаймера, переброшенного через плечо огра, которого заметил в самом начале. Огр пробивался обратно к эпицентру взрыва, отбрасывая любого, кто вставал у него на пути.

- Чешуйчатый хрен Мананна, у него наш новый инженер! - воскликнул Пит.

- Ну так давай вернём его назад, лады? - прорычал Дубниц, рванув вслед за огром. Он не испытывал большого желания сражаться со здоровенной зверюгой, но особого выбора у него не было: как только выяснилось, что они позволили выкрасть Бернхаймера, как перед ними тут же гостеприимно распахнулись бы двери приливных клеток, это если Амброзий или Огг не решат прикончить их собственной рукой. Из дыма вырвался обнажённый до пояса кислевит, с вислыми усами и чубом, выкрикнул боевой клич и обрушил саблю на наплечник Дубница, заставив рыцаря опуститься на одно колено. Эркхарт вытянул руку, схватил кислевита за растительность на лице, дёрнул на себя и они со всего маху ударились черепами. Кислевит отшатнулся, а Дубниц резко выпрямился и врезал ему плечом в грудь, отбросив в груды пиломатериалов. После чего добавил наручем по горлу, и, завершив драку ударом коленом в пах, устремился дальше, оставив своего противника скулить и ловить ртом воздух. - Доберись до Бернхаймера, - попытался он привлечь внимание Эрнста, когда тот подрубил ноги пытавшемуся встать у них на пути норсу.

Эрнст развернулся и хотел было что-то ответить, когда из дыма вырвалась огромная ручища и обхватила его за голову. Прежде чем кто-либо из рыцарей успел отреагировать, рука вздёрнула Эрнста в воздух, а затем вбила лицом в булыжник набережной с такой силой, что расколола его, и, скорее всего, череп старого воина Мананна не избежал той же участи. Отпустив Эрнста (тот рухнул на землю, мёртвый или просто без сознания Дубниц не мог сказать), огр перешагнул через тело, рассекая воздух взмахом тульвара. Эркхарт с руганью отскочил назад, Бернхаймера нигде не было видно.

- Расколю твои кости, - пуская слюни, взревел огр, надвигаясь на рыцаря. - Высосу из них мозг.

- Звучит восхитительно, но, боюсь, я вынужден отклонить сие предложение, - ответил Дубниц, уворачиваясь от следующего удара. Он уже имел несчастье сражаться с ограми прежде. Зверюги были намного сильнее любого человека, и одного попадания тульваром хватило бы, чтобы разрезать его пополам, не важно в доспехах или без. Так что Эркхарт увернулся и, зайдя огру за спину, рубанул по одной из его напоминающих ствол дерева ног. Рука огра метнулась в сторону и пальцы, словно трюмные скобы, вцепились в наплечник Дубница. Металл слегка прогнулся, когда огр подтянул его к себе, а затем Дубниц увидел опускающийся со смертельной неотвратимостью тульвар. Он успел поднять навстречу свой собственный клинок, но едва-едва, и толку от этого было не много, клинок не остановился, даже не замедлился. Зазубренное лезвие рвануло к лицу Дубница.

Затем вонь перебил запах стоялой воды и огр закричал от муки. Он отбросил Дубница в сторону и пошатнулся. Несколько красных, кусающихся силуэтов, похожих на облака крови в воде, окружили зверюгу и терзали его плоть спектральными зубами. Призрачные акулы были столь же бесплотными, как утренний туман, но столь же смертоносными, как их физические воплощения, и уронивший тульвар огр слепо махал кулаками, пытаясь отбить их атаку. Его крики резко оборвались миг спустя, когда одна из акул проглотила его голову. Он рухнул на землю без головы и изрядной доли мяса на костях.

За ним оказалась Эсме, держа на ладони горсть акульих зубов. Они слабо парили.

- Ты ещё жив, Эрхарт? - спросил она.

- Слегка пришиблен, но ещё дышу, - хмыкнул Дубниц, вставая. - Однако не могу сказать то же самое о бедняге Эрнсте, - он посмотрел на неё. - Кстати, спасибо.

- Мы все служим Мананну, от самого высокого, до самого ничтожного, - ответила жрица, опускаясь на колени рядом с Эрнстом. Осторожно сняв шлем, она прижала два пальца к его горлу. - Пульс слабый, но есть. Он выживет, если мы сможем вовремя доставить его к сёстрам милосердия, - с этими словами она встала и закричала на кучку собравшихся недалеко священников. К этому времени уже были организованы носилки для выноса раненых. Священство Мананна было столь же безответственным и коррумпированным, как и следовало высокоорганизованной бюрократии, но, вынужден был признать Дубниц, они похвально быстро сорганизовались, когда оказались в затруднительном положении.

К ним присоединился Пит, кровь покрывала все его доспехи, скапливаясь в трещинках и следах от ударов.

- Тебе нужно это увидеть, - сказал он. Его взгляд скользнул на Эрнста, но не задержался надолго. Дубниц последовал за ним сквозь медленно рассеивающийся дым. - Они свинтили сразу же, как только выкрали Бернхаймера, - сказал молодой рыцарь. - Просто прекратили схватку и сбежали, подлые ублюдки, - он указал рукой. - Я преследовал их до этого места.

Это был совершенно очевидно эпицентр сотрясшего верфи взрыва. В прочном камне и дереве набережной образовалась неровная яма, достаточная, чтобы в неё пролезли телега с лошадьё. Изнутри ещё поднимался дым и воняло серой и горелой древесиной.

- Я так и знал, - сказал Дубниц. Неожиданно он ощутил усталость и потёр лицо. - К чёрту эти игры моряков! - он опустил на корточки и вгляделся в дым, поднимавшийся из ямы. - Я знал. Они прошли через поддоки, как канализационные крысы, поднимающиеся по стоку для дерьма.

Поддоки были секретным местом, о котором знал каждый в Мариенбурге, что лишь служило лишним свидетельством того, в городе торговцев нет ничего, что можно было бы утаить достаточно долго, а также о том, что никто в вольном граде на самом деле не знал, что такое «секрет». Это был искусственный мир, построенный под всеми, раскинувшимися вдоль всего побережья Мариенбурга, доками. Построенные без особого плана поколениями контрабандистов, торговцев, пиратов и попрошаек хрупкие деревянные дорожки тянулись, словно массивная паутина, под доковыми землями начиная с севера и медленно, но верно распространились за прошедшие века к остальным трём главным точкам. Они прорезали отмели и прибрежные земли, словно клин окаменелого горошка пастбище в Остланде. Лестницы, переходы, рыболовные сети и перевёрнутые лодки занимали пространство между досками и образовывали природные ориентиры. Воздух был душным и густым от морской соли. Моллюски образовывали похожие на мох скопления, а под тёмной грязной водой двигались иные твари.

- Я удивлён, что они не подожгли воздух, - сказал Пит с отвращением.

- Возможно, они пытались. Однако это не похоже на заботу о жертвах, не так ли? - Дубниц посмотрел на Пита. - Надеюсь, ты не забыл свои болотные сапоги?

- Мы же не пойдём туда? - в ужасе воскликнул Пит.

- У них наш инженер, - ответил Эркхарт, поднимаясь на ноги. Тут явно было не очень глубоко. Оставалось надеяться, что после приземления они не провалятся сквозь сгнившие доски прямо под воду.

- Дубниц, подожди, я пойду с тобой, - окликнула его Эсме, спеша к ним. Она откуда-то раздобыла меч и несла его на плече. Дубниц повернулся и поднял руку.

- Как бы мне не хотелось иметь с собой опытного специалиста по подземным путям, а не человека, кого тянет блевать, когда уборная переполнена... - он бросил взгляд на Пита, который ответил ему грубым жестом, - мне нужно, чтобы ты предупредила Стража болот и гроссмейстера Огга о том, что произошло, - он развернулся, выкрикнул приказ ближайшему моряку и тот рванул со всех ног выполнять команду рыцаря.

Её глаза сузились. Она открыла рот, словно собираясь спорить, но затем резко кивнула и положила руку на предплечье Дубница.

- Постарайся не умереть, - сказала она. Моряк, которого он отослал, вернулся назад, таща трюмный фонарь. Дубниц взял его и шлёпнул Пита по руке.

- Я не даю обещаний, - сказал он. Он положил руку ей на плечо, на миг обездвигив. - Однако лучше поторопись, - продолжил он. - Я всего лишь надеюсь, что удача на моей стороне, а не моих противников,**** - с этими словами он выпустил её плечо, повернулся к Питу и подтолкнул того к дыре. - Давай Пит, пора идти!

Они спустились вниз и осторожно пошли сквозь глубины, свет в руке Пита освещал им дорогу.

- Куда мы идём? - спросил Пит, нервно оглядываясь.

- Если память мне не изменяет, к югу от доков есть выход, - ответил Дубниц. - Это ближайший, а они, думается мне, будут спешить. Так что шевелись.

Поддоки вокруг них стонали и вздыхали, словно огромное живое существо, когда приливы и ветры наверху заставляли всю конструкцию слегка расширяться и сжиматься. Прогулка по поддокам напоминала Дубницу ходьбу по палубе в летний шторм: не то, чтобы сложно, но неприятно. На головы капала вода, воздух был сырым и затхлым. Во тьме плескались скрытые твари, заставляя Пита каждый раз нервно хвататься за меч, но Дубниц не обращал внимания на звуки. Его не раз назначали в команды чистильщиков стоков за различные провинности, так что он отлично знал, что мутировавшие создания, что плавали в чёрных водах поддоков, как правило, старались избегать вооружённых людей.

Пит бросил на него взгляд.

- Знаешь, я тоже мог бы предупредить гроссмейстера.

Дубниц усмехнулся.

- До или после того, как он закончил бы потрошить тебя за неисполнение обязанностей?

Пит поблел.

- Да, полагаю, ты прав. Здесь и правда значительно безопасней, - сказал он, качая головой.

ТАССЕНБЕРГ похлопал задыхающегося мальчика-посыльного по голове, а затем слегка ударил открытым кулаком, отправив прочь.

- Ну вот, видишь? Никаких проблем, палач. Отто уже в пути, твой инженер в надёжных руках.

Брюкнер хмыкнул и скрестил руки на груди. Он стоял на палубе яхты Тассенберга и рассматривал готовящиеся к отплытию корабли, собравшиеся в Мариенбургской восточной гавани. Сотни судов из сотен портов, перевозивших людей из всех стран, и каждый плыл в Мариенбург, чтобы заняться своими делами. Огромные, галдящие облака из чаек кружили над гаванью, трезвонили колокола, а над всем этим вился чёрный густой столб дыма. Даже отсюда они услышали взрыв, и Тассенберг засмеялся и захолопал в ладоши от радости. Брюкнер же просто наблюдал.

Нульнский палач не был подходящим человеком для тонкой работы провокатора или диверсанта. Он был, как и гласил его титул, палачом. Он пожинал жизни, жестоко, эффективно, не обращая внимания на чины, веру или пол. По поручениям графини Эммануэль фон Либевиз он забирал головы горничных и владетельных лордов, и только по её настоятельной просьбе он был здесь и наблюдал за этой задачей. В общем и целом лично он предпочёл бы прийти во главе целой армии, а не полагаться на сомнительные навыки столь скользкого существа, как Тассенберг, чтобы пробраться внутрь и выбраться из города.

Но важно было то, чтобы никто, и меньше всего курфюрсты Империи, не узнал об этом. На данный момент Нульн сохранял давнюю и заветную монополию на порох и огнестрельное оружие и обученные артиллерийские расчёты, и именно эта монополия позволяла ему оставаться свободным от вмешательства имперских властей. Но монополию нельзя будет сохранить, если кто-нибудь другой, скажем Мариенбург, тоже начнёт продавать огнестрельное оружие. Посему шпионы графини и инженер-кастелян придумали способ саботировать все бурные потуги фрейштата^[2]. Это необходимо было сделать, в этом Брюкнер был совершенно уверен. И, всё же, из-за того, каким образом это делалось, он чувствовал во рту мерзкий привкус. Он не любил уловки и надувательство, куда легче было просто снять головы.

- Твоя эффективность - твоя прибыль, работороговец, - сказал Брюкнер, пройдя вперёд и облокотившись о поручни. Он бросил взгляд на приподнятый участок доков неподалёку, где, выходя прямо на воду, открылось отверстие, укрытое тяжёлыми деревянными брусьями, сродни тем, что использовались в шахтах для крепления ствола.

- Они выйдут оттуда? - спросил он.

- Да, - ответил Тассенберг, присоединяясь к нему. - Это самый быстрый путь из-под земли. Боюсь, сейчас всё зависит от скорости. Для тонкости слишком мало времени, - продолжил он.

- Это было тонко?

- Тонко для Отто, - пояснил Ули. - Он хороший парень, но ему не хватает сдержанности. Кроме того, я сказал ему, чтобы он повеселился, - бандитский вожак ухмыльнулся. - К тому времени, когда власти начнут шевелиться, мы уже проскользнём через Врата Рейка прямо под носом у этих дурней из Речного дозора. Большая часть из сегодняшней смены у меня на содержании, так что особых проблем

возникнуть не должно, - он хлопнул по поручню пухлой рукой. - А это судёнышко предназначено именно для речных прогулок. Я использую его, чтобы закупать определённые... ах... специализированные предметы с севера.

- Я заметил клетки в трюме, - откликнулся Брюкнер. По его голосу было невозможно понять, осуждает ли он это или нет.

Тассенберг пару мгновений смотрел на него, затем пожал плечами.

- Всегда будь готов - вот мой девиз, - сказал он.

- А ты готов к преследованию?

- Отто справится самостоятельно, - ответил Тассенберг. Брюкнер посмотрел на него, и работорговец отступил назад. - У меня на этой лохани около трёх десятков человек. Все вооружены и готовы проливать кровь ради вашей защиты, палач, не то, чтобы она вам была нужна, - быстро добавил он.

Брюкнер слегка сместился.

- Я буду чувствовать себя лучше, когда мы окажемся далеко от этой кучи отбросов.

- Мариенбург не так уж и плох. Наша канализация работает, и ко всему прочему у нас отличная местная кухня, - Тассенберг сделал паузу, после чего добавил. - Если, конечно, вы любите рыбу.

- Я не люблю, - ответил Брюкнер.

- Да, отлично.

Брюкнер уставился на проём, желая, чтобы человек Тассенберга появился как можно скорее. Чем раньше он сможет покинуть это место, тем раньше сможет вернуться к тому, что он умел делать лучше всего. И прятаться на яхте криминального авторитета явно не входило в это число.

ВЫСТРЕЛ из пистолета отгрыз кусок доски рядом с лицом Пита, осыпав его щепками. Рыцарь ругнулся и отшатнулся назад, тут его схватил Дубниц и рывком затащил за тяжёлую каменную опору.

- Что, во имя всех дьяволов бездны, это было? - прорычал Пит.

- Думаю, они поняли, что мы следуем за ними, - ответил Дубниц. Он выглянул из-за края камня и смог разглядеть вдали слабое водянисто-оранжевое мерцание. Они были уже около выхода. Он услышал стук бьющихся в борта волн и перезвон сигнальных колоколов.

- Вот так, Белла, моя девочка, - громко прорычал кто-то. - Прикончи его! Сезон охоты на бронированных ублюдков открыт!

Дубниц узнал этот голос.

- Отто, - прорычал он.

- Кто такой Отто? - спросил Пит, глядя на Эрхарта.

- Отто Шелп, проклятый Мананном Сточный Волк, вот кто!

- Любимый убийца Ули Тассенберга, - пробормотал Пит. - Прекрасно, - каждый, кто имел дело с наиболее неприятными элементами Мариенбургского социума, знал Сточного Волка, даже если не знал его настоящего имени. Худощавый убийца с серым лицом был предметом похабных рассказов в пивных, а матери пугали детей, рассказывая истории о его похождениях. Шелп вырезал красную, сочащуюся дыру в самом сердце города, навсегда встроив своё имя в ряд таких как Безумный Чипли, ван Марковиц Дьявольский Пёс и Лицеед с улицы Рыбного пирога.

Ещё один залп из пистолей выбил осколки из каменной опоры, за которой они укрывались. Дубниц вспомнил полурослика, которого видел на верфях, и чертыхнулся.

- Они где-то впереди, - он выхватил клинок. - Оглядывайся, Пит. Они наверняка попытаются прижать нас к земле, пока кто-нибудь...

Мужчины поднялись из воды по обе стороны деревянного настила, на котором стояли рыцари, и ткнули их трезубцами и трюмными крюками. Дубниц не мог сказать, ожидали ли они здесь заранее, или спустились в воду после первого пистолетного выстрела. Он отбросил трезубец в сторону, а затем обратным взмахом срубил его наконечник и отбросил его владельца обратно в воду. На то, чтобы проверить, как дела у Пита, времени уже не оставалось. Трюмный крюк скользнул по боку Дубница, и он прижал руку к туловищу, зажимая его, а затем резким рывком вырвал из хватки владельца. Секунду спустя его меч вонзился в грудь человека. К несчастью клинок застрял в кости и, услышав за спиной топот ног по деревянному настилу, Эрхарт выпустил его из рук и развернулся. Пока они были отвлечены, к ним подобралась остальная часть банды. Выставив захваченный трюмный крюк, он едва успел парировать клинок, готовый разрубить его.

- Здорово, Эрхарт, - пролаял мечник. - Непривычно видеть тебя здесь! - Отто Шелп широко улыбнулся Дубницу, его серое лицо было морщинистым и лоснящимся под чашей из жёстких, светлых волос. Одеждой ему служила блестящая от жира кожа, а меч покрывала зола, чтобы пригасить отблеск. Он снова нанёс рубящий удар по рыцарю, тесня его с нездоровым энтузиазмом. - Тассенберг заплатит мне премию, если я сниму для него твою голову! Ты разбил ему сердце в день, когда покинул Сыромятни.

- Ты хотел сказать - проломил ему голову, - ответил Дубниц, крутанув трюмным крюком и вбивая его в живот Отто. - Припоминаю, Отто, что твоей голове тоже тогда досталось.

Шелп с хрипом отшатнулся назад, когда крюк Дубница просвистел рядом с его головой, но быстро оправился и, крутанувшись, точным ударом рассёк оружие Эрхарта пополам.

Шелп зарычал и нанёс удар. Дубниц упал и, перекатившись через тело убитого им ранее бандита, использовал собственный импульс, чтобы высвободить свой клинок. Резко вскочив на ноги, он подставил лезвие меча под удар Шелпа. Его худощавый противник был быстр и смертоносен. Таким он был всегда, даже когда они шастали по Сыромятням с Толстяком Ули Тассенбергом и Безумным Крысоедом Элвином. Но Дубниц превосходил Шелпа, когда они были пацанами, и превосходил его и теперь. Сточный Волк набивал себе руку на убийстве ничего не подозревающих дератизаторов, патрулирующих канализацию, да потерявших форму стражников Речного дозора. Дубниц с размаху наступил на ногу Шелпа, с удовлетворением услышав хруст костей и болезненный вой, который издал Сточный Волк. А затем врезал ему по горлу. Шелп отшатнулся, хватаясь за глотку свободной рукой, его лицо посинело.

- Твоя проблема, Отто, всегда заключалась в том, что ты был слишком туп, чтобы мухлевать, - сказал Дубниц, отбивая в сторону клинок Шелпа и пиная Сточного Волка в живот.

С треском проломив грубое ограждение, отлетевший от удара рыцаря Шелп свалился в мутное рагу,

которое представляла собой вода в поддоках. Дубниц подождал, ожидая когда его старый приятель всплывёт, но не дождался. Тогда он развернулся, чтобы поглядеть, как там дела у Пита.

- Хм, э.. у тебя немного мозгов на шлеме, - сказал он спустя пару мгновений.

Пит, тяжело дыша, стоял в центре бойни. Его рука с мечом была красной от кончика лезвия до локтя, а всю броню покрывали следы резни.

Пит вытащил кусочек серого вещества из забрала.

- Благодарю.

Дубниц встряхнулся и шагнул вперёд.

- Ну что ж, вперёд, заберём нашего инженера.

Два рыцаря, крадучись, двинулись к выходу наружу. С заходом солнца от воды начинал подниматься туман, заполняя все поддоки. Он услышал плеск вёсел и понял, что Шелп пытался их задержать. Оглядевшись, Дубниц заметил шлюпку, привязанную к причалу. Видимо оставшаяся команда Отто в спешке забыла про неё. Эркхарт запрыгнул в лодку и схватил весло, махнув им Питу.

- Хватай весло, Пит.

- Это, конечно, только моё мнение, но, по-моему ни один инженер не стоит стольких усилий, - проворчал напарник Дубница, пока тот обрезал удерживавшую лодку верёвку. - Это печальный день, когда рыцарь должен сам грести на своей лодке.

- Хватит ныть. Ты сам на это подписался.

- Нет, я подписывался на доступных женщин и халявное пиво, - отрезал юный рыцарь. - Человек, который выглядит, как тот, кто хочет делать подобную работу, не становится рыцарем.

Дубниц хмыкнул. Он бы мог поспорить, но сейчас было не время.

- Если мы не вернём этого инженера, то «работа» будет меньшей из твоих забот. Амброзий сделает нас своими персональными прожекторами.

Пит наклонился вперёд.

- Давай, гребни живее, - сказал он.

Их лодка скользнула с верфей и вошла в Рейк. К тому времени туман стал ещё гуще, и было невозможно разглядеть хоть что-то впереди. Мглистая пелена окутала их, заглушая звуки гавани. Дубниц знал, что их добыча должна была грести к кораблю, кстати, уж не к тому ли кораблю, куда несколькими днями ранее должен был доставить Бернхаймера и Ван дер Крааль?

- Доверься Мананну, Пит. Он ещё ни разу не указал мне неверный путь, - благочестиво заметил Дубниц. Впереди туман немного раздался, и они смогли разглядеть силуэт большого корабля, который с каждым гребком становился всё больше. Внезапно он заметил другую шлюпку: она была пришвартована к борту большого корабля. Сверху кто-то бросил лестницу, и теперь её пассажиры поднимались по ней на борт. Полурослик с парой пистолетов всё ещё оставался на борту шлюпки, как и ещё один человек. Дубниц подобрал ноги под себя и положил весло рядом с Питом.

- Продолжай грести, - сказал он.

- Что?

- Продолжай грести! - прорычал Дубниц, выхватывая меч, когда нос их лодки врезался в борт той, что была пришвартована к кораблю. Дубниц перепрыгнул на неё, его меч сверкнул. Головорез свалился в воду, хлеща кровью. Полурослик уставился на него широко раскрытыми глазами, и его рука цапнула один из пистолетов. Пинком ноги Эрхарт отправил мелкого проныру вслед за его напарником. - Шевелись, Пит! - закричал он, бросаясь к лестнице. Пит, спотыкаясь поспешил следом и рыцари покарабкались наверх.

Когда они перескочили через поручни, на лицах собравшихся на палубе появилось удивлённое выражение. Бернхаймер стоял там же, окружённый вооружёнными людьми. Выглядел он вроде бы вполне целым. Дубниц пихнул локтем одного, а затем перекинул его за борт. Пит присоединился к нему секунду спустя: его клинок свистнул, перерезав глотку другому. Они шли вперёд, раскидывая команду и «бравос», оказывающихся на их пути, пока не оказались прямо перед окружавшей инженера группкой. Одно из лиц в этой толпе Дубниц узнал.

- Так, так, так, - протянул он. - Мне стоило догадаться, что куда бы не пошёл Отто, Толстяк Ули будет там же.

- Эрхарт, - прорычал Тассенберг. - Не смей называть меня Толстяком, - работорговец заложил пухлые пальцы за широкий кожаный пояс, а пухлое лицо исказилось от злобы. - Мы не виделись целую вечность, Эрхарт, - за ним стоял высокий мужчина, чьё лицо показалось Дубницу смутно знакомым.

- Кто эти глупцы? - спросил здоровяк.

- Ох, где же мои манеры? Теодор Брюкнер, позвольте познакомить вас с Эрхартом Дубницем из ордена Мананна и его другом, кем бы он ни был.

Дубниц застыл.

- Э, - пробормотал Пит, - он только что назвал имя палача Нульна?

- Да, - ответил Дубниц. Он перевёл взгляд на Тассенберга. - Что это значит? Продаёшь наш прекрасный город, Толстяк Ули?

- Я же говорил не называть меня так, - ответил Тассенберг, его улыбка слегка поблекла.

- Идите сюда, Бернхаймер, мы уходим, - сказал Дубниц, подзывая инженера. Бернхаймер моргнул и поднял руку. Маленький пистолет, выскользнув из рукава с помощью скрытого механизма, скользнул ему в ладонь, и инженер спустил курок. Пит издал короткий вскрик и посмотрел вниз на аккуратную дырку в своей кирасе.

- Ох, - сказал юный рыцарь, и упал. Бернхаймер отскочил назад. Пит ещё падал, когда Дубниц взревел и рванулся вперёд. Но Брюкнер оказался быстрее, просто удивительно быстрым для человека его размеров: его огромный клинок выскользнул из ножен и прошёлся по рёбрам Эрхарта с силой, достаточной, чтобы рыцаря отбросило назад, к ограждению палубы, его собственный меч отлетел в сторону. Дубниц попытался подняться на ноги, но его пронзила острая боль и, опустив взгляд, он увидел стекающую по боку кровь. Непонятно как, но меч Брюкнера пробил его доспехи. Прижимая руку к ране, Дубниц скрипнул зубами и сполз на палубу, по которой стелился влажный густой туман, застилая обзор.

- Ты называешь себя рыцарем? - спросил Брюкнер. - Ты просто уличный бандит в доспехах. Я бился с рыцарями, мариенбуржец. Ты - ничто. Подобно этой зачумлённой дыре, которую вы называете городом, ты - бледная копия первоисточника.

- У старого доброго Эрхарта всегда было о себе несколько завышенное мнение, - произнёс Тассенберг, пиная Пита. - Весь орден - анекдот. Паяцы рыцарей, выброшенные из гроговых лавок и приливных клеток, чтобы устроить представление для профессиональных игроков. И, представьте себе, только потому, что они заполучили себе новый дом, они решили, что могут вести себя так же, как те, кто лучше их, - он посмотрел на Дубница и ухмыльнулся. - Тебе не стоило покидать Сыромятни, Эрхарт.

- Зачем? - выдохнул Дубниц, посмотрев на инженера.

- Зачем что... Зачем я выстрелил в этого болвана или зачем я приехал в Мариенбург? - уточнил Бернхаймер, пряча пистолет обратно в рукав. - Это не имеет значения. В ответ на оба вопроса. Это была моя обязанность, которую я с радостью выполнил, - он посмотрел на Брюкнера. - Всё прошло именно так, как вы и сказали.

- Естественно, - Брюкнер вонзил меч в настил палубы и опёрся на крестовину. Туман охватил его, и он раздражённо махнул рукой, отгоняя сырую пелену. Дубницу показалось, будто он услышал всплеск, но мысль растворилась в новой волне боли.

- Я сделал, как вы просили. Это была детская игра, - продолжил меж тем Бернхаймер. - После первого же выстрела из моих орудий, они взорвутся и попытки мариенбуржцев повторить наши паровые танки обернутся обгорелыми и пробитыми остовами. А пороховые смеси, которые я им дал, разорвут любое орудие, в котором они решат их применить. Секреты орудийной школы останутся у Нульна и только у него.

Брюкнер медленно кивнул. Затем перевёл взгляд на Дубница, в глазах нульнца сверкало удовлетворение.

- Отлично. Графиня будет рада, не говоря уж о кастеляне-инженере.

- Ну-с, твой инженер у нас. Сейчас мы поднимем якорь, и до следующего вороньего крика ты уже будешь на имперской территории, палач, - заговорил Тассенберг. - Во имя чешуйчатой задницы Штромфелса, я могу переправить тебя до самого Нульна, если хочешь. Так я лично смогу забрать моё собственное оружие, а? - он снова улыбнулся Дубницу. - Ты всегда был моим главным разочарованием, Эрхарт. Мы бы сделали из тебя замечательного преступника, если бы ты остался с нами.

- Вроде... Отто, хочешь сказать? - прохрипел Дубниц. Туман стал ещё гуще. А затем он услышал плеск и звук, похожий на удар дерева о дерево.

Улыбка Тассенберга исчезла, словно не бывало, и бандитский вожак пнул Дубница в бок носком ботинка. Внезапная вспышка боли заставила того резко выдохнуть от муки.

- Я получу удовольствие, когда буду заворачивать тебя в железо и швырять за борт, Эрхарт.

- Я считаю, что данное заявление настолько распространено в этом городе, что потеряло всякую ценность, - произнёс знакомый голос. Бандиты выругались и развернулись, хватаясь за оружие. Алоизий Амброзий восседал на поручне, держа в руке покрытый изящной гравировкой пистолет. Он направил его на собравшихся, ни в кого конкретно не целясь. - Не так ли, сэр Дубниц?

- Он не рыцарь, - прорычал Брюкнер.

- Нет? Ну, как и я, ныне. Как и ты, кстати, палач.

- Как ты попал на этот корабль? - возмутился Тассенберг. - Я частное лицо, Амброзий. Ты не можешь пробраться на борт частного судна только ради собственного удовольствия!

- Конечно могу, - ответил Страж болот. - Вы - частное лицо, укрывающее агентов иностранной и враждебной власти, минер Тассенберг. Кроме того, вы, кажется, напали на двух членов самого священного из орденов Мананна в городе. Любой из этой пары причин достаточно, чтобы заключить вас в тюрьму, - он аккуратно спустил курок, так чтобы пистолет случайно не выстрелил, и засунул оружие за пояс. - Не говоря уж о помощи, оказанной вышеупомянутым агентам в саботаже военной инфраструктуры Мариенбурга, - он снял перчатки. - Должен сказать, что я очень разочаровался в вас, герр Бернхаймер, - Амброзий хлопнул перчатками по ладони. - Вы действительно думали, будто мои клерки следуют за вами, чтобы оказывать вам помощь? У меня, может быть, глаз всего один, господа, но я всё ещё могу им видеть достаточно хорошо. Ваши изменения в нашем вооружении отмечены, зарегистрированы и проверены. Я уверен, что наши собственные инженеры смогут сделать их достаточно безопасными для использования. И, само собой, спасибо вам за помощь, - он улыбнулся Бернхаймеру.

Бернхаймер что-то затараторил. Брюкнер прошёл мимо него, подняв меч, на котором всё ещё оставалась кровь Дубница.

- Твоя самоуверенность всегда была одной из твоих наименее привлекательных черт, Алоизий.

- А эти ужасные усы делают тебя похожим на какого-то блохастого норса, Теодор, - парировал Амброзий. - И тем не менее это был достаточно хитрый маленький гамбит: эти идиоты из верховного совета, жадные создания, каковыми они и являются, в других обстоятельствах с готовностью бы заглотили наживку, - Амброзий откинул полу своего плаща и положил ладонь на рукоять скрытого под ним клинка. - Однако пару промашек ты всё же совершил. Например, тебе не стоило обращаться к подобному раздутому созданию, каким является Ули Тассенберг, после того, как тебе отказал Хозяин Теней. Ты оскорбил его, - он принялся и посмотрел на Тассенберга, который побледнел и потянулся за собственным мечом. - Поэтому он, будучи добрым гражданином нашего дорогого фрейштадта, передал мне слово о твоём начинании.

- Не то, чтобы тебе оно понадобилось, - заметил Брюкнер, слегка поднимая меч.

- Ты прав. Герр Бернхаймер, конечно, хитрый диверсант, но он всего лишь любитель.

Амброзий посмотрел на Дубница, который сумел выпрямиться, опираясь на ограждающие палубу перила. Его здоровый глаз слегка сузился. Затем он полностью сосредоточился на Брюкнере и вытащил свой собственный клинок, выглядевший смехотворно маленьким и лёгким по сравнению с оружием его противника.

- Мариенбург - город заговорщиков и интриганов, Теодор. Приходится, чтобы выжить. Твоя схема была не первой и будет не последней, из угрожающих нашей независимости от Империи Карла Франца. Но сегодня... ах, сегодня мы остаёмся свободными, - он сделал паузу. - Хотя, возможно, всё это было и не ради лишения нас независимости. Возможно, ты просто скучал по мне.

Брюкнер зарычал и сделал шаг вперёд, его лицо покраснело.

- Нет, конечно же нет, - промурлыкал Амброзий, как будто Брюкнер ответил. - Я подозреваю, что тут нет ничего столь сентиментального. Нет, речь идёт о деньгах. Всё всегда сводится к деньгам. Нульн получает огромную прибыль от своего пороха, не так ли? Но если в эту игру включится Мариенбург, то эта прибыль уменьшится. Деньги правят всем, что нас окружает, - он сделал приглашающий жест. - Что ж, давайте поглядим, кто потратил их в пустую на этот раз.

Пока Амброзий говорил, Дубниц мрачно смотрел на палубу. Пит неподвижно и тихо лежал в луже собственной крови, где его оставил Брюкнер. В нём вспыхнул гнев. Всё это не было о независимости или суверенитете, Амброзий был прав: речь шла о деньгах. В Мариенбурге всё всегда сводилось к деньгам и убийствам. Он испытывал одно единственное желание - вонзить меч в спину палача.

Пока он думал об этом, Амброзий и Брюкнер скользнули друг к другу с особой грацией, которую демонстрируют хорошо обученные мечники. Все глаза на палубе были прикованы к дуэли. Все люди Тассенберга были увлечены грядущей схваткой. У Брюкнера было преимущество в размерах, длине меча и свирепости, но почему-то Амброзий не хотел, чтобы его располовинили. Протягивая окровавленную перчатку к собственному мечу, Дубниц задумался: не была ли эта схватка лишь последней в длинной череде столкновений между ними. Они крутились и рубили друг друга, заставляя туман вокруг взбиваться и взвихряться. Дубниц вгляделся в него и увидел фигуры, движущиеся в густой серой трясине, и на мгновение страшное воспоминание о другом тумане и других созданиях в нём, всплыло в его разуме, но затем он увидел трезубец и понял, что это было.

- Хорошая девочка, - прохрипел он и нащупал свой меч.

Один из людей Тассенберга обернулся, услышав звук столкновения металла о камень. Его рот открылся и он поднял свой клинок, в тот же миг, когда пальцы Дубница сомкнулись на рукояти. С отчаянным усилием он рванул вперёд и выпустил бандиту кишки. Затем, с неловким рывком, он выпрямился на нетвёрдых ногах, зажимая одной рукой дырку в боку, и его клинок чиркнул по спине и шее другого тассенберговского прихвостня. Используя свою массу, он ринулся вперёд, в самую гущу бандитов, раскидывая их в стороны, и в одном случае, даже выкинув за борт.

Тассенберг вскрикнул, когда Дубниц врезался в него и вбил в палубу. Он почувствовал, как клинок Тассенберга ткнулся в его кольчугу, но он не сумел её пробить, так что рыцарь сгорбился ещё больше и прижал край своего меча к жирной глотке работорговца. Он оглянулся на остальных бандитов.

- Бросьте оружие или я перережу глотку Толстяку Ули.

- Ты не посмеешь, - прошипел Тассенберг. - Ты проклятый рыцарь!

- Нет, нет, - ответил Дубниц, глядя на него сверху. - Забыл? Я - паяц рыцаря, бандит в доспехах. Я старый добрый Эрхарт, Ули, и ты знаешь, что в своё время я перерезал куда больше, чем одну глотку.

- Бросьте оружие. Бросьте его! - завопил Тассенберг.

Оружие с металлическим грохотом упало на палубу. Туман начал рассеиваться, открывая людей Болотной стражи с опущенными трезубцами. И среди них стояла Эсме, туман лип к её рукам, словно шёлковые ленты. Она кивнула Дубницу, когда тот, по-прежнему крепко держа Тассенберга, поднялся на ноги. Преступный вожак неожиданно зарычал, словно загнанная в угол уличная дворняжка и, вырвавшись из рук Дубница, рванулся к ограждению палубы. Прежде чем кто-либо успел его остановить, он перепрыгнул поручень и упал в воду. Дубниц рванулся было вслед за ним, но тут вспомнил о палаче. Он медленно повернулся, всё ещё сжимая раненный бок.

Чуть дальше Амброзий и Брюкнер всё ещё продолжали свой смертельный танец. Пока Дубниц наблюдал, более крупный мужчина сбил своего противника на палубу и поднял меч для нанесения последнего удара, держа его двумя руками. Рука Амброзия метнулась к кушаку, и он вытащил пистолет, взведя курок и направив его на Брюкнера. Тот замер.

- Я никогда не смогу победить тебя, Тео, - сказал Амброзий. - По крайней мере, в честной борьбе.

- У тебя нет чести, - прорычал Брюкнер, опуская свой клинок.

- Значит, нас таких двое, - поддел Амброзий, поднимаясь на ноги.

- Я представитель суверенной власти, - ответил Брюкнер, резко вкладывая свой меч в ножны.

- Так и есть, - сказал Амброзий. - И с тобой будут обращаться соответственно, - он посмотрел на Дубница.

- Я очень рад видеть вас живым, сэр Дубниц.

- Я надеялся, что ты придёшь, - сказал Дубниц подошедшей Эсме, опускаясь на колени рядом с Питом. - Он...?

Пит кашлянул.

- Что пнуло меня? - прохрипел он.

Эсме быстро перерезала ремни его кирасы и стянула её в сторону. После чего дотронулась до кожаной куртки под ней и Пит поморщился.

- Похоже, доспехи замедлили пулю и она всего лишь застряла в мышцах его груди. Он будет жить. Что насчёт тебя?

- Это? Тьфу, царапина, - ответил Дубниц, крепко прижимая руку к боку. На него упала тень Амброзия и он поднял глаза. - Тассенберг сбежал.

- Да. Что ж, отлично, - сказал Страж болот. - Толстый Ули не даёт расслабиться своим противникам. Если бы мы вздёрнули его за шею, спустя пару недель место Тассенберга занял бы кто-то другой, а я уже успел внедрить своих людей в организацию работорговца. Кроме того, мне дали понять, что Хозяин теней хочет с ним поговорить.

Дубниц вздрогнул. Старому Ули придётся плыть весьма быстро, чтобы избежать этой конкретной акулы.

- А что насчёт Бернхаймера? - поинтересовался он.

Амброзий наклонил голову и слегка повернулся. Двое его людей крепко держали Бернхаймера. Смертоносный инженер выглядел сдувшимся.

- Думаю, мы сохраним его. Теперь он в наших руках, так что, пожалуй, мы сможем извлечь из него больше пользы. В конце концов, вернуться домой он теперь не может. Не так ли, Теодор?

Окружённый опущенными трезубцами, Брюкнер напрягся. Он ничего не ответил, но выражение его лица сказало о многом. Амброзий улыбнулся.

- Я так и думал. Нет, лучше пусть он останется здесь и поделится с нами своими обширными знаниями. Мы хорошо заплатим, герр Бернхаймер. Думаю, куда лучше, чем когда-либо делал это Нульн.

- Вы использовали нас, не так ли? - заявил Дубниц. - Чтобы узнать, где прятался Брюкнер? Вы знали, что

они придут за ним снова, и использовали нас, чтобы выманить их.

- Первый раз, когда они пришли за ним, был уловкой, - поправил Амброзий. - Но да, я сделал это. Я использовал тебя, как свою ищейку, и так же воспользуюсь Бернхаймером, чтобы улучшить наше вооружение, и сделать нас равными любой имперской провинции, и так же я использую Брюкнера, чтобы получить уступки от нашего прекрасного города-побратима Нульна. И я и дальше буду использовать любой инструмент, который окажется в моих руках, чтобы не дать этому городу утонуть в болоте, - сказал он, улыбаясь. Но в этом выражении не было тепла. - Постарайся не умереть на пути к сёстрам милосердия, сэр Дубниц. У меня такое ощущение, что следующие несколько месяцев будут весьма интересными.

Дубниц вздрогнул и глянул на просачивающуюся из-под пальцев кровь.

- Именно этого я и боюсь, - пробормотал он.

1. **Гвизарма** (гизарма, гизарда, итал. guisarme) — вид алебарды с длинным узким, слегка изогнутым наконечником, имеющим прямое, заострённое на конце ответвление. Первый клинок, прямой и длинный, служил для поражения врага, в первую очередь кавалериста, а вторым искривлённым клинком перерезали сухожилия у лошади противника или стягивали его с лошади.
2. **Freistadt** - нем. вольный город (Freie Stadt)

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Пушка_Бернхаймера_/_Bernheimer%27s_Gun_\(рассказ\)&oldid=25017](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Пушка_Бернхаймера_/_Bernheimer%27s_Gun_(рассказ)&oldid=25017)

Эта страница в последний раз была отредактирована 18 апреля 2024 в 07:56.